

Н.В.Работяжев
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ В XXI ВЕКЕ:
ОТ МОДЕРНИЗАЦИИ К КРИЗИСУ

Николай Владимирович Работяжев — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М.Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН). Для связи с автором: rabotiajev@mail.ru.

Аннотация. Ответом европейской социал-демократии на проявившийся в 1970-е — 1980-е годы кризис созданной ими кейнсианской социально-экономической модели стала рыночно ориентированная модернизация социал-демократических партий. В конце XX — начале XXI в. социал-демократы пересмотрели ряд принципов демократического социализма, заимствовали некоторые неолиберальные концепты и практически полностью отказались от утопических элементов в своей идеологии. Наиболее активно процессы обновления развивались в Лейбористской партии Великобритании при Т.Блэре и в Социал-демократической партии Германии при Г.Шрёдере. Вместе с тем глобальный финансово-экономический кризис 2008 г. показал, что у социал-демократов нет убедительной альтернативы неолиберализму. В результате после 2008 г. социал-демократия столкнулась с новыми проблемами и вызовами. В настоящее время, с точки зрения автора, европейская социал-демократия пребывает в состоянии кризиса. У этой ситуации есть несколько причин. Прежде всего, социал-демократия, будучи в целом проглобалистской силой, недооценивает негативные последствия глобализации для своих избирателей. Она выступает за либеральную миграционную политику и оставляет без внимания трудности, связанные с интеграцией иммигрантов в европейские общества. Рыночно ориентированная модернизация в социал-демократических партиях вызывает сопротивление левых традиционалистов, что может вести к внутрипартийным кризисам и расколам или успеху «твердых левых» типа Дж.Корбина. Сдвиг социал-демократии в сторону социального либерализма усиливает левопопулистские партии (такие, как СИРИЗА, «Подemos», «Непокоренная Франция» и др.), которые становятся серьезными конкурентами социал-демократов. Он также способствует размыванию социал-демократической идентичности. Last but not least — социал-демократия пребывает в интеллектуальном застое и не способна предложить избирателям каких-либо свежих, оригинальных идей. По мнению автора, европейская социал-демократия может достичь реального обновления лишь на

пути творческого синтеза социалистических, либеральных и консервативных установок.

Ключевые слова: социал-демократия, «третий путь», глобальный финансово-экономический кризис, глобализация, мультикультурализм, левый традиционализм

¹ Dahrendorf
1983: 16.

В 1983 г. видный немецкий социолог Ральф Дарендорф провозгласил «конец социал-демократического века»¹. Действительно, глубокий кризис, в котором пребывала в 80-е годы прошлого столетия европейская социал-демократия, давал основания для пессимистической оценки ее перспектив. Электоральная поддержка левоцентристских партий падала, такие мощные отряды социал-демократического движения, как Лейбористская партия Великобритании (ЛПВ) и Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), на долгие годы перешли в оппозицию. Кроме того, это политическое течение столкнулось с серьезным кризисом идентичности. «Для демократических левых в Западной Европе 1980-е годы были периодом крайнего упадка, — отмечает Стюарт Томсон. — Лишь немногие из партий этого направления в то время находились у власти, но и они проводили политику, которая шла вразрез с традиционными социал-демократическими средствами и целями. Социал-демократы оказались неспособны разработать последовательную систему аргументации, которая позволила бы им убедительно защитить свои ключевые принципы от [неолиберальных] атак, начавшихся в середине 1970-х годов. Роль, которую государство всеобщего благосостояния, государственное вмешательство в экономику и высокие налоги на корпорации играли в идейном арсенале социал-демократии, была поставлена под вопрос»².

² Thomson 2000: 1.

Кризис традиционной (кейнсианской) социал-демократической модели, явно не соответствовавшей эпохе глобализации, «новой экономики» и «нового индивидуализма», привел к активизации в среде социал-демократов правого, прорыночного крыла, предлагавшего модернизировать идеологию и практическую политику европейских левоцентристов путем обогащения их элементами «здорового либерализма». В 1990-е годы практически все европейские социал-демократические партии так или иначе начали склоняться к отходу от этатистско-перераспределительных моделей и признанию преимуществ рыночной экономики. Наиболее выраженную форму данные процессы приняли в ЛПВ и СДПГ, но сходные тенденции наблюдались и в других левоцентристских партиях. Более позитивно, чем прежде, рыночные механизмы и социально-экономическая роль частного бизнеса стали оцениваться в программных документах Партии труда Нидерландов, Социал-демократической (до 1991 г. — Социалистической) партии Австрии, Социал-демократической рабочей партии Швеции. Коротко говоря, в середине 1990-х годов европейская социал-демократия, по выражению Дженни Андерссон, «заключила исторический брак

с неолиберализмом, в результате которого рыночная экономика вторглась в те сферы, которые ранее были ограждены от влияния рынка, — например, в культуру, образование, социальное обеспечение»³.

³ Bailey et al.: 122.

**Модернистская
социал-демократия:
сдвиг
к социальному
либерализму**

Наиболее активно синтез социал-демократических установок с неолиберальными развивался в ЛПВ и СДПГ. Сторонники этого варианта модернизации социал-демократизма — «новые лейбористы» (New Labour) в ЛПВ и их единомышленники в СДПГ — стремились найти «третий путь» (так назвал свою концепцию лидер ЛПВ в 1994—2007 гг. Тони Блэр) между традиционным демократическим социализмом и неолиберализмом. Теоретическое обоснование идеи и базовых принципов «третьего пути» принадлежало советнику Блэра социологу Энтони Гидденсу.

«Новый лейборизм» и «третий путь» означали прежде всего решительный разрыв со «старой» левой идеологией. «Новые лейбористы» окончательно отказались от представлений о демократическом социализме как особой социально-экономической модели и взяли курс на воплощение своих ценностей в рамках рыночно-капиталистической системы. Никакая сознательно контролируемая экономика, доказывал, в частности, Гидденс, не может превзойти рыночный капитализм, и вера в то, что рынку существует альтернатива, является иллюзией. Конечно, рыночная система не может эффективно функционировать и обеспечивать социальную справедливость без регулирования и активного вмешательства правительства. Но роль государства в экономике должна сводиться к разумному макроэкономическому регулированию, созданию условий для инноваций и инвестициям в образование и профессиональную подготовку⁴.

⁴ Giddens 2002: 11.

Приверженцы «третьего пути», таким образом, далеко отошли от кейнсианских установок прежнего, этатистско-корпоративистского лейборизма. Фундаментальными принципами лейборизма 1950—1970-х годов, ставившего своей целью «подчинить экономическую власть государственной власти»⁵, были национализация, развитое государство благосостояния, представительство интересов тред-юнионов. «Новые лейбористы» делали ставку не на расширение государственного контроля над экономикой (не говоря уже о национализации), а на либерализацию рынков, подчеркивали важность индивидуальных усилий, выступали за ограничение щедрости социального государства (полагая, что избыточная социальная защита несовместима с условиями глобальной экономики), дистанцировались от профсоюзов. Проводя в жизнь близкие к неолиберальным установки в сфере экономики, они в то же время старались сочетать их с социал-демократической социальной политикой. Стоит также отметить, что они всячески подчеркивали свое духовное родство с прогрессивным (левым) британским либерализмом, отодвигая собственно социалистические элементы лейбористской традиции на самый задний план.

⁵ Crossman 1953: 26.

Нельзя не упомянуть, что для сторонников «третьего пути» характерно скорее позитивное отношение к глобализации. По мнению Блэра и Гидденса, глобализацию следовало признать свершившимся фактом и искать пути приспособления национальных экономик к глобальной конкуренции. Иными словами, «новые лейбористы» «не стали отрицать реальность глобализации как нового вызова, приняли требование участия в глобальном свободном рынке... но попытались совместить это с социальной политикой, адекватной новым условиям»⁶. Позиция «новых лейбористов», согласно Гидденсу, должна быть проглобалистской, но при этом они не должны ставить знак равенства между глобализацией и безоговорочной защитой свободного рынка⁷.

⁶ Федотова 2004: 251—252.

⁷ Giddens 2002: 70.

Модернизированная таким образом Лейбористская партия смогла обеспечить себе электоральную поддержку значительной части не только рабочих, но и среднего класса, что позволило ей одержать победу на выборах 1997 г., а затем подтвердить ее на выборах 2001 и 2005 гг. ЛПВ оставалась у власти до 2010 г. (хотя сам Блэр ушел в отставку в 2007 г.).

Близкие к «третьему пути» позиции занимал и лидер СДПГ (1999—2004 гг.) Герхард Шрёдер. Он был убежден, что в эпоху глобализации экономическая политика не может быть социал-демократической или неолиберальной, «левой» или «правой», она должна быть прежде всего современной и обеспечивать конкурентоспособность экономики в глобализованном мире. Социально-политическая концепция Шрёдера, сформулированная им перед парламентскими выборами 1998 г., получила название «новая середина», или «новый центр» (Neue Mitte). Тем самым СДПГ демонстрировала сдвиг в направлении политического центра и намерение склонить на свою сторону новые средние слои — высококвалифицированных наемных работников, мелких и средних предпринимателей, менеджеров, представителей свободных профессий и др. И выборы 1998 г., в результате которых СДПГ после 16 лет пребывания в оппозиции вернулась к власти (в коалиции с «Зелеными»⁸), показали, что ей вполне это удалось.

⁸ Коалиция просуществовала до 2005 г., а Шрёдер стал федеральным канцлером.

Итак, в 90-х годах прошлого века в Европе возникла модернистская, «новая» социал-демократия, представленная прежде всего ЛПВ во главе с Блэром и СДПГ под руководством Шрёдера. Отличие ее от традиционной социал-демократии состояло не только в том, что ключевым инструментом достижения своих целей она считала не государство, а свободный рынок, конкуренцию и предпринимательство. Не менее важно, что модернистская социал-демократия почти полностью отказалась от тех элементов социалистической утопии, которые еще сохранялись в идеологии социал-демократии «старой». Сторонники «третьего пути» и «новой середины» постоянно подчеркивали свой «реализм», «прагматизм», «здоровый смысл», что, в сущности, означало, что они намерены управлять экономикой свободного рынка лучше, чем неолибералы, но не собираются выходить за ее пределы, преобразовывать общество в соответствии с идеалами левого движения. Социал-демократы выступали теперь за «хороший», «цивилизованный» капитализм,

противопоставляемый капитализму «хищническому», «турбулентному», «капитализму джунглей».

Однако, как когда-то заметил известный деятель Французской социалистической партии (ФСП) Пьер Моруа, «не существует социализма, который мог бы обойтись без идеала, без хотя бы малейшей мечты или утопии»⁹. Поэтому, de facto отказываясь от своей утопии, от проекта посткапиталистического будущего, «новая» социал-демократия рисковала поставить под вопрос собственную идентичность.

⁹ *Militer aujourd'hui* 1989: 71.

В конце XX — начале XXI в. идеи «третьего пути» оказали заметное влияние на мировоззрение европейской социал-демократии. Как отмечает Вольфганг Меркель, в то время «дебаты вокруг третьего пути стали самым важным дискурсом о реформах в европейском партийном ландшафте»¹⁰. Хотя идеи «новых лейбористов» нашли поддержку не во всех левоцентристских партиях, они способствовали идеологическому обновлению европейской социал-демократии, ее отказу от этатистско-перераспределительных моделей. К постепенной модернизации своих идеологических установок и практической политики приступили даже южноевропейские социалистические партии, которые ранее занимали более традиционалистские позиции. Казалось, что, взяв на вооружение некоторые экономические концепты неолиберализма, социал-демократия успешно преодолет кризисные явления.

¹⁰ *Cum. no: Giddens* 2002: 4.

Однако на практике все оказалось гораздо сложнее.

**Социал-демократия
после
финансово-
экономического
кризиса 2008 г.:
«новый социализм»?**

То, что социал-демократия не в состоянии сформулировать и предложить избирателям какой-либо новый популярный проект, стало очевидно после начала глобального финансово-экономического кризиса 2008 г. Европейские левоцентристы расценили его как кризис неолиберального капитализма и неолиберальной модели глобализации per se. По их мнению, резкое падение мировых экономических показателей демонстрировало ущербность рыночного фундаментализма (отстаиваемого консервативными партиями), подтверждая справедливость социал-демократических представлений о необходимости политического регулирования рынков на глобальном и национальном уровнях. Так, эксперт близкого к СДПГ Фонда Фридриха Эберта Эрнст Хиллебранд утверждал: «Доминирование рыночного радикализма и неолиберального дискурса во всех его разновидностях определенно идет к концу... Культурная гегемония в том смысле, как ее понимал Грамши, будет какое-то время на стороне тех, кто считает, что рынки необходимо регулировать и ставить в определенные рамки, и чей образ человека весьма далек от индивидуалиста, стремящегося лишь к максимизации своей выгоды»¹¹.

¹¹ *Hillebrand* 2008: 16.

Финансово-экономический кризис 2008 г. заметно повлиял на идеологию европейских левоцентристов. Глобальная рецессия прервала «правый дрейф» социал-демократии, в дискурс которой вернулась критика капитализма. Лидеры и теоретики левоцентристских партий теперь провозглашали более традиционную для социал-демократов

повестку, включающую в себя борьбу против проводимой неоконсерваторами политики жесткой экономии, защиту социального государства, более активное вмешательство правительства в экономику, регулирование финансовых рынков, стимулирование экономического роста и занятости, проведение промышленной политики.

Казалось бы, именно социал-демократы, выступающие за контроль над рынками, социальную защищенность и сокращение социального неравенства, должны были получить максимальные электоральные дивиденды от глобального кризиса. Однако реальность оказалась совсем иной. По результатам выборов 2009 г. фракция Партии европейских социалистов (ПЕС) в Европарламенте уменьшилась примерно на четверть. В 2008—2011 гг. парламентские выборы проиграли британские лейбористы, испанские и португальские социалисты, греческая социалистическая партия ПАСОК. В среднем же электоральная поддержка западноевропейских социал-демократов в 2007—2013 гг. сократилась (по сравнению с периодом 2000—2006 гг.) на 4,7%¹².

¹² Bailey et al 2014: 6.

В эти (и последующие) годы социал-демократы так и не смогли предложить избирателям некие свежие, оригинальные идеи, новый политический проект. Правда, под влиянием финансово-экономического кризиса в социал-демократический лексикон вернулось слово «социализм». Так, в предвыборном манифесте ПЕС, принятом в декабре 2008 г., неолиберализму противопоставлялся «новый социализм», для которого на первом месте человек, а не рынок¹³. Но, как справедливо замечает Владимир Швейцер, новизна этого социализма «была описана лишь в самых общих выражениях»¹⁴. Не приводя никаких конкретных характеристик «нового социализма», ПЕС ограничивалась обещаниями создать более справедливую, более безопасную и более «зеленую» Европу¹⁵. Да и другие документы Социнтерна «никак не объясняли европейцам сути новой доктрины. Им предлагались лишь количественные критерии»¹⁶.

¹³ Предвыборный манифест 2009: 16.

¹⁴ Швейцер 2013.

¹⁵ Предвыборный манифест 2009: 7.

¹⁶ Швейцер 2013.

Финансово-экономический кризис прямо и недвусмысленно поставил перед социал-демократами вопрос: какова предлагаемая ими альтернатива неолиберализму? И оказалось, что убедительной альтернативы у них нет. Касаясь идеологического кризиса в СДПГ, Альбрехт фон Люке констатировал, что интеллектуальные политические проекты германской социал-демократии отличаются поразительным отсутствием перспективного видения, что этой партии давно не удается формулировать захватывающие цели и находить необходимые для этого слова¹⁷. Эта оценка вполне применима и к ситуации, сложившейся в социал-демократическом движении в целом.

¹⁷ Lucke 2009: 46.

Кризисные явления в европейской социал-демократии не исчезли и в 2010-е годы. ЛПВ, потерявшая власть в 2010 г., проиграла парламентские выборы 2015 и 2017 гг. СДПГ в 2005 г. вошла на правах младшего партнера в «большую коалицию» с ХДС/ХСС и на всех последующих выборах в бундестаг стабильно показывала низкие результаты (2009 г. — 23% голосов, 2013 г. — 25,7%, 2017 г. — 20,5%). Что касается

ФСР, то, хотя в 2012—2017 гг. президентом Франции был социалист Франсуа Олланд, на президентских и парламентских выборах 2017 г. эта партия потерпела сокрушительное поражение. На президентских выборах в апреле 2017 г. кандидат от ФСР Бенуа Амон занял лишь пятое место, а на парламентских, состоявшихся в июне, ей достался всего 31 депутатский мандат из 577. Разочаровывающими оказались результаты парламентских выборов марта 2018 г. для итальянской Демократической партии. Возглавляемую ею левоцентристскую коалицию поддержало около 23% избирателей — меньше, чем правоцентристскую коалицию (основу которой составляли Лига и «Вперед, Италия») и популистское Движение пяти звезд.

Не слишком удачно выступили социал-демократы и на выборах в Европарламент в мае 2019 г. Если по итогам выборов 2014 г. социалисты и социал-демократы провели в ЕР 191 депутата, то в 2019-м — только 153. Причем серьезные электоральные потери понесли прежде всего ведущие отряды социал-демократического движения. Представительство ЛПВ в Европарламенте сократилось с 20 мест до 10; ФСР — с 12 до пяти; итальянской Демократической партии — с 31 до 19; СДПГ — с 27 до 16. Показательно, что последняя получила на евровыборах лишь 15,8% голосов, заняв третье место — после блока ХДС/ХСС и «Зеленых». Из крупных левоцентристских партий увеличить свое представительство в ЕР удалось только испанским социалистам.

Таким образом, можно говорить о том, что европейская социал-демократия снова находится в кризисе. Каковы его причины?

**Глобализация,
национальная
идентичность
и социал-демократия**

Прежде всего необходимо отметить, что в начале XXI в. в западном обществе возникли новые линии социальных размежеваний, которые социал-демократия своевременно не приняла во внимание. В соответствии с классической концепцией Сеймура Мартина Липсета и Стейна Роккана, партийные системы европейских стран формировались под влиянием четырех решающих структурных размежеваний: между центром и периферией, государством и церковью, городом и селом, собственниками и рабочими¹⁸. Возникновение и развитие левых (социалистических и социал-демократических) партий было обусловлено размежеванием по линии «частные собственники — наемные рабочие».

Однако по мере того как старые линии расколов уходили в прошлое, в Европе XXI в. складывалось новое важное размежевание — между сторонниками глобализации и приверженцами национального государства. Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что это раскол между теми, кто смог удачно вписаться в глобальный рынок, и теми, кто проиграл в процессе глобализации. В сущности, в современной Европе «социальное деление проходит не между классами, а внутри классов по линии адаптированности / неадаптированности к глобальным переменам»¹⁹.

¹⁸ Lipset and Rokkan 1967.

¹⁹ Пархалина и др. 2018: 240.

К проглобалистским политическим силам с определенными оговорками можно отнести и европейскую социал-демократию. Ее приверженность глобализму обусловлена не столько верой в эффективность глобальной конкуренции, сколько базовыми интернационалистическими установками левого движения. Что касается чисто экономических последствий глобализации, то их социал-демократы оценивают, как правило, противоречиво. Они полагают, что, хотя глобализация дает человечеству новые шансы и возможности, способствует экономическому, научному и технологическому прогрессу, с ней связаны риски и негативные явления (увеличение социального неравенства, нестабильность финансовых рынков, рост безработицы, экологические угрозы и т.д.). По словам известного деятеля СДПГ Вольфганга Тирзе, финансово-экономический кризис 2008 г. и последовавшая за ним депрессия продемонстрировали «теневую сторону» глобализации²⁰. Поэтому, с точки зрения социал-демократов, на процесс глобализации необходимо влиять с помощью демократической политики. Социал-демократы подчеркивают, что они не против глобализации в принципе, но против неолиберального и неоконсервативного подходов к ней, поскольку сторонники этих подходов пренебрегают социальными правами человека (в том числе на образование и здравоохранение) и высказываются за свертывание регулирующих функций государства в экономике.

²⁰ Thierse 2017.

Социал-демократы настаивают на иной глобализационной модели — «прогрессивной глобализации», управляемой и направляемой в соответствии с социал-демократическими принципами. Они выступают за новый глобальный экономический и финансовый порядок и в общем не имеют ничего против формирования глобального космополитического общества. В связи с этим социал-демократов можно рассматривать в качестве левых глобалистов, в равной степени далеких и от приверженцев неолиберальной глобализации, и от национал-консерваторов, озабоченных сохранением национальных и локальных идентичностей.

Проглобалистская в целом позиция европейской социал-демократии во многом объясняется универсализмом социал-демократического проекта. Рабочее движение в Европе изначально складывалось как международное, а вдохновлявшая его марксистская утопия носила подчеркнуто интернационально-космополитический характер. Как справедливо отмечает Ежи Шацкий, основоположникам марксизма было присуще «универсалистское по концепции видение будущего»²¹.

²¹ Шацкий 1990: 266.

С развитием свободной торговли и всемирного рынка, доказывал Карл Маркс, национальная обособленность народов все более размывается уже в условиях капитализма, а социализм значительно ускорит этот процесс. Общественным классом, который призван уничтожить капитализм и создать бесклассовое коммунистическое общество, в концепции родоначальника «научного коммунизма» представал индустриальный пролетариат — интернациональный феномен, с которого капитализм стер все национальные черты. Рабочие, в соответствии с известной формулировкой из «Манифеста Коммунистической партии», не имеют отечества²².

²² Маркс и Энгельс 1955: 444.

В любом случае Маркс и марксисты считали процесс постепенного стирания культурного своеобразия этносов и наций (говоря более современным языком, национально-культурных идентичностей) исторически неизбежным. Прогнозировалось также отмирание национальных государств. Так, видный марксистский теоретик начала XX в. Карл Каутский полагал, что после победы социализма национальные государства исчезнут, начнется их превращение в более крупные сообщества — например, Соединенные штаты Европы²³. Неудивительно, что в XX в. социал-демократы рассматривали интернационализацию экономической жизни как прогрессивное явление и активно поддерживали европейскую интеграцию.

²³ *Брайович 1982: 175.*

И хотя в 50—60-е годы прошлого века европейская социал-демократия отказалась от большей части марксистского наследия, интернационализм и глобализм сохранились в ее «коллективном бессознательном». Поэтому, при всех оговорках, она остается проглобалистской силой — при том что значительная часть ее ядерного электората (рабочие, занятые в индустриальном производстве, немалая доля низшего среднего класса) от глобализации скорее проигрывает, прежде всего ввиду сопряженного с ней процесса деиндустриализации. Именно здесь причина падения популярности левоцентристов в соответствующих социально-профессиональных группах и оттока голосов традиционных избирателей социал-демократии к правым и левым популистам и евроскептикам.

Приверженность социал-демократии интернационализму/глобализму обусловила и ее отношение к миграции. Одним из следствий представления о преимущественно социальной сущности человека и маловажности этнокультурных различий между людьми (унаследованного как от марксизма, так и отчасти от философии Просвещения) стала недооценка левоцентристами трудностей интеграции мигрантов из «третьего мира» в европейские общества и их слабую озабоченность проблемой сохранения национально-культурной идентичности европейских стран. Не случайно социал-демократы являются сторонниками либеральной иммиграционной политики и концепции мультикультурализма (философские истоки которой во многом восходят к неомарксистской Франкфуртской школе), полагая, что воплощение ее в жизнь приведет к взаимному обогащению различных культур.

Так, СДПГ инициировала в 2014 г. реформу, облегчающую получение второго гражданства, и в целом «позиционирует себя в качестве адвоката интеграции мигрантов»²⁴. А когда известный деятель СДПГ Тило Саррацин в своей книге «Германия самоликвидируется»²⁵ заявил, что миграция из мусульманских стран представляет угрозу для ФРГ, он был исключен из партии (правда, впоследствии восстановлен). Долгое время недооценивали связанные с наплывом мигрантов проблемы и скандинавские социал-демократы, в результате чего эта тема была отдана на откуп правым популистам и консерваторам. Что касается британских лейбористов, то при всех различиях между Блэром и нынешним лидером ЛПВ «твердым левым» Джереми Корбином оба они

²⁴ *Тимошенкова 2017: 26.*

²⁵ *Sarrazin 2010.*

поддерживают либеральную иммиграционную политику и мультикультурализм, хотя итоги применения этой концепции на практике, мягко говоря, неоднозначны.

После победы ЛПВ на выборах 1997 г. лейбористское правительство заметно либерализовало иммиграционную политику (в том числе в надежде увеличить собственный электорат), а мультикультурализм фактически превратился в официальную доктрину. Результатом этих действий стало обособление этнических общин от коренного населения, размывание британской идентичности, рост ксенофобии и даже беспорядки на этнической почве. Причем значительный приток мигрантов в Великобританию обернулся не ростом, а снижением электоральной поддержки ЛПВ. Показательно, что 45% тех, кто перестал голосовать за лейбористов между 2005 и 2009 гг., упрекали ЛПВ в том, что она «защищает интересы главным образом иммигрантов и небелых британцев»²⁶.

²⁶ Cruddas 2011.

Стоит также упомянуть, что на парламентских выборах 2015 г. часть рабочего класса — важнейшей электоральной базы ЛПВ — проголосовала за националистическую Партию независимости Соединенного Королевства, стоящую на евроскептических позициях. Эти избиратели были обеспокоены массовой иммиграцией в страну и полагали, что лейбористы недооценивают важность сохранения британской идентичности. Промиграционные установки социал-демократов способствовали оттоку их избирателей к национал-популистам и евроскептикам и в других европейских странах. Тем самым левоцентристы могли на практике убедиться, что, вопреки Марксу, рабочие все-таки имеют отечество.

**Левые
традиционалисты
versus
модернизаторы**

Нынешние проблемы социал-демократии связаны, впрочем, не только с ее отношением к глобализации, миграции и сохранению национально-культурного своеобразия европейских стран. Неоднозначные последствия для левоцентристских партий имела и рыночно ориентированная модернизация, активно развивавшаяся на рубеже XX и XXI вв. Провозглашенный элитами этих партий отход от традиционных установок и ценностей демократического социализма на низовом уровне был принят далеко не всеми. Как указывал еще в начале XX в. Роберт Михельс, рядовые члены и активисты социалистической партии обычно придерживаются более радикальных воззрений, нежели ее руководящее ядро²⁷. Процессы, протекавшие в левоцентристских партиях в XXI в., подтвердили вывод немецкого социолога. Ответом на прорыночные и проглобалистские установки социал-демократического истеблишмента стало усиление в этих партиях левых течений и даже выход из них тех, кто не утратил приверженность социалистическим традициям. Многие из них потом вступили в более радикальные организации, сохранявшие верность изначальной социалистической утопии.

²⁷ Michels 1989.

Кризис, связанный с неприятием сдвига в сторону неолиберализма, поразил СДПГ уже вскоре после того, как Шрёдер начал ее

²⁸ Поттхофф
и Миллер 2003: 414.

модернизацию в духе «новой середины». По справедливому замечанию Хайнриха Поттхоффа и Сюзанны Миллер, левые традиционалисты в СДПГ «вместо глобализации и модернизации... хотели больше социальной справедливости, перераспределения и еще большего государственного вмешательства»²⁸. Вследствие упорного сопротивления традиционалистского крыла СДПГ и профсоюзов Шрёдер смог приступить к перестройке социальной модели ФРГ лишь после победы «красно-зеленой» коалиции на выборах 2002 г.

Программа реформ, проводить которые Шрёдер начал в 2003 г., была изложена в документе «Повестка 2010» (2003) и позднее нашла воплощение в пакете законов «Хартц IV» (2005). Суть замыслов Шрёдера сводилась к уменьшению роли государства в экономике ФРГ. Реформы предполагали снижение налогов на бизнес и социальных взносов предпринимателей, де бюрократизацию процесса создания новых предприятий, дерегулирование рынка труда, уменьшение различных субсидий и льгот, сокращение сроков получения пособия по безработице, приватизацию федеральной собственности.

²⁹ Крель 2010: 78.

Необходимые для осуществления этих преобразований законы Шрёдеру удалось провести через бундестаг лишь вопреки активному противодействию левого крыла СДПГ и профсоюзов, и результатом их стало усиление внутривнутрипартийной оппозиции и падение авторитета СДПГ. «Реформы правительства Шрёдера, — констатирует Кристиан Крель, — воспринимались как политика, слишком сильно ориентированная на неолиберальную идеологию»²⁹. С точки зрения многих избирателей, инициированная кабинетом либерализация рынка труда и ограничение социальных расходов означали, что СДПГ перестает быть левой народной партией, в качестве которой она всегда себя позиционировала. Из СДПГ начался отток левоориентированных членов, которые в 2005 г. создали партию «Труд и социальная справедливость — Избирательная альтернатива», позднее объединившуюся с Партией демократического социализма в Левую партию. Стоит отметить, что ее сопредседателем стал экс-лидер левого крыла СДПГ Оскар Лафонтен, вышедший из Социал-демократической партии из-за несогласия с курсом Шрёдера. Левая партия занимает последовательно антикапиталистические и антиглобалистские позиции и сохраняет приверженность изначальной утопии левых — всемирной общности свободных и равных людей³⁰.

³⁰ Лафонтен
2009: 52.

С началом глобального финансово-экономического кризиса СДПГ встала на путь возвращения к социал-демократическим ценностям и более традиционной для нее повестке (борьба против сокращения государственных расходов, защита социального государства, регулирование финансовых рынков, стимулирование экономического роста и занятости и т.д.). Впрочем, сдвиг в этом направлении обозначился еще раньше — после ухода Шрёдера с поста лидера партии в 2004 г. и неудачи на выборах 2005 г. в бундестаг. Определенный отход от идей «нового центра» и частичный возврат на позиции демократического социализма просматривается, в частности, в Гамбургской программе

партии 2007 г. В последующих программно-идеологических документах СДПГ на первый план вновь вышло требование социальной справедливости, которая, правда, теперь связывается не с распределением (как было характерно для «старой» социал-демократии), а прежде всего с инвестициями в человеческий капитал, научные исследования, инфраструктуру, общественные службы и т.д. Однако и в постшрёдеровскую эпоху вопрос о том, является ли СДПГ «по-прежнему „партией маленького человека“», остался для многих избирателей открытым³¹.

³¹ *Krull 2010: 79.*

ЛПВ после отставки Блэра тоже стала постепенно отходить от «нового лейборизма». Уже преемник Блэра Гордон Браун, возглавивший в 2007 г. британское правительство, использовал для преодоления финансово-экономического кризиса кейнсианские рецепты стимулирования спроса. Еще больше отошел от принципов «третьего пути» Эдвард Милибэнд («красный Эд»), сменивший Брауна на посту лидера лейбористов после их поражения на выборах 2010 г. Он вернул в повестку ЛПВ социал-демократическую критику капитализма, порицал «новых лейбористов» за наивную веру в безграничные возможности свободного рынка и глобализации и доказывал, что правительство должно играть более активную роль в экономике.

В гораздо большей степени, чем «новых лейбористов», волновало «красного Эда» и растущее социальное неравенство. Его стремление сделать Британию более эгалитарной нашло воплощение в выдвинутой им в 2012 г. концепции «лейборизма одной нации» (One Nation Labour), провозглашавшей важнейшей задачей ЛПВ ликвидацию существующих в британском обществе социальных барьеров и создание для всех равных жизненных шансов. Милибэнду также принадлежит концепция «ответственного капитализма», предполагающего разумный баланс между финансовым и реальным секторами экономики, государственное вмешательство в функционирование рынков и проведение активной промышленной политики. «Ответственный капитализм» противопоставлялся им капитализму «хищническому» (predatory) с присущими тому гипертрофией финансового сектора, непомерно высокими доходами банкиров и огромной ролью краткосрочных финансовых спекуляций.

Как отмечает Юнис Гоуз, «предложенная Милибэндом повестка вполне соответствовала этосу Лейбористской партии и ее идеологическим традициям»³². Действительно, при Милибэнде ЛПВ в значительной мере вернулась к социал-демократическим ценностям и установкам. Однако на этом ревизия принципов «нового лейборизма» не остановилась. После неудачной для партии парламентской кампании 2015 г. лидером лейбористов стал демократический социалист Корбин, испытавший заметное влияние марксизма и сохранивший приверженность «старому» лейборизму 1960-х — 1970-х годов, основными требованиями которого были национализация ряда крупных компаний, расширение государственного контроля над экономикой, повышение налогов на корпорации и высокие доходы, увеличение социальных расходов. По своим взглядам Корбин левее не только Блэра, но и значительной

³² *Goes 2016: 50.*

части нынешнего лейбористского истеблишмента. Его победа на выборах лидера ЛПВ объяснялась прежде всего тем, что, согласно принятым в 2014 г. правилам, в голосовании могли участвовать не только члены партии и аффилированных с ней тред-юнионов, но и ее сторонники, значительную часть которых составила неконформистская молодежь, приверженцы социалистических традиций рабочего движения, члены различных левых группировок. Голосуя за Корбина, они протестовали как против социально-экономического курса «новых лейбористов», так и против их внешней политики.

В 2016 г. Корбин был переизбран на пост лидера ЛПВ. Тем самым рядовые члены ЛПВ и ее сторонники высказались за отказ от «нового лейборизма» и возвращение партии к ее социалистическим традициям и более левой повестке.

С большим трудом рыночно ориентированная модернизация протекала в ФСП, имеющей сильные левые традиции. Ведь еще в 70-е — первой половине 80-х годов прошлого века эта партия демонстрировала свою преданность изначальной социалистической утопии, выступала за разрыв с капитализмом и создание социализма самоуправления. По мнению Александра Вершинина, сдвиг ФСП вправо был проблематичен в том числе потому, что «в условиях Франции это предполагает полный пересмотр тех основ, на которых социалистическое движение базировалось с момента его возникновения... И хотя за последние десятилетия оно серьезно трансформировалось, сам левый дискурс, основанный на апелляциях к радикальным лозунгам, остался в значительной степени неизменным»³³.

³³ Вершинин
2014: 52.

В силу этого ФСП никак не могла пойти по «третьему пути» Блэра — Шрёдера, фактически означавшему замену социалистического проекта деидеологизированным прагматизмом. Но даже осторожные шаги по маркетингу идеологии и практической политики партии в начале XXI в. наткнулись на жесткую оппозицию со стороны ее левого крыла. Размежевание между модернизаторским и традиционалистским течениями в ФСП проявилось уже в 2004—2005 гг. в ходе обсуждения конституции ЕС. Европейское руководство партии во главе с Олландом высказалось за ратификацию данного документа, в то время как антиглобалистское и евроскептическое левое крыло, подчеркивавшее его неолиберальный характер, — против. Противники представленного проекта конституции ЕС создали внутривнутрипартийную фракцию «Новая социалистическая партия — За социалистическую альтернативу», лидерами которой стали Анри Эммануэли и Жан-Люк Меланшон. В 2008 г. последний покинул ряды ФСП, полагая, что она дрейфует в сторону социаллиберализма, и выступил инициатором ряда левых политических проектов, таких как Левая партия, а позднее — «Непокоренная Франция».

Как известно, на общенациональном референдуме в мае 2005 г. конституция ЕС была отвергнута большинством французов, в том числе и значительной частью электората ФСП. По данным социологических исследований, евроскептиками оказались 56% избирателей

³⁴ Там же: 48.

Соцпартии; против проекта Европейской конституции проголосовали 79% промышленных рабочих, 67% наемных служащих и 71% безработных, то есть внушительная доля ядерного электората социалистов³⁴. Таким образом, референдум 2005 г. продемонстрировал, что партийное руководство не просто стоит на более правых позициях, чем рядовые партийцы, но и является более проглобалистским и проевропейским, чем избиратели ФСП.

Хотя в ФСП существовало и правое, склоняющееся к социал-либерализму крыло, приверженность значительной части французских социалистов идеям «старой», кейнсианской социал-демократии и традиции партии заметно препятствовали ее модернизации. В целом в 2000-х годах ценностное обновление ФСП носило весьма ограниченный характер. В традиционном социал-демократическом ключе была выдержана и избирательная кампания Олланда на президентских выборах 2012 г. Олланд резко критиковал «мир финансов», предлагал ввести налог на финансовые трансакции и увеличить до 75% налог на доходы, превышающие 1 млн. евро в год. Его программа предусматривала также 75-процентное финансирование государством новых рабочих мест для молодежи, активное строительство государственного жилья, повышение социальных выплат и т.д. Короче говоря, Олланд отстаивал кейнсианскую стратегию стимулирования экономического роста путем увеличения государственных расходов.

В 2012 г. ФСП добилась успеха не только на президентских, но и на парламентских выборах, что позволило ей сформировать правительство. Однако политика этого правительства во многом отличалась от той, что предусматривалась программами. Довольно быстро отошел от идей стимулирования спроса и президент-социалист, взявший курс на поощрение предложения и сокращение государственных расходов для уменьшения дефицита государственного бюджета. С целью повышения конкурентоспособности французской экономики были снижены взносы предпринимателей в систему социального страхования и налог на прибыль, кроме того, была осуществлена либерализация рынка труда. То есть на практике Олланд двигался по пути социал-либерализма, что вызывало неприятие со стороны левого крыла ФСП.

В результате на праймериз, состоявшихся в преддверии президентских выборов 2017 г., кандидатом на пост президента от ФСП был избран левый социалист Амон, постоянно критиковавший Олланда и декларировавший намерение вернуть Социалистическую партию к ее истокам и традиционным ценностям левого движения. Амон выступал за введение «безусловного базового дохода», 35-часовую рабочую неделю, легализацию каннабиса и т.д. Его победа на праймериз ФСП, как и успех Корбина (с которым Амона часто сравнивают) на выборах лидера ЛПВ, наглядно продемонстрировала глубину расхождений во взглядах между умеренным партийным истеблишментом и гораздо более радикально настроенными рядовыми членами. Однако на самих президентских выборах Амон, как уже упоминалось, занял лишь пятое место,

³⁵ *Примечательно, что лидера «Непокоренной Франции» Меланшона, занимающего жесткие антикапиталистические, антиглобалистские и евроскептические позиции, поддержали на этих выборах 19,6% избирателей.*

набрав всего 6,4% голосов³⁵. В июле 2017 г. Амон вышел из ФСП и объявил о создании левого «Движения 1 июля», позднее переименованного в «Génération.s». Внутренние конфликты и расколы в ФСП, а также неясность ее идеологической самоидентификации привели партию к тяжелому поражению и на парламентских выборах 2017 г. — за ее кандидатов во втором туре проголосовали лишь 5,7% избирателей.

Таким образом, хотя рыночно ориентированная модернизация социалистических и социал-демократических партий и является требованием времени, она зачастую сопряжена со значительными трудностями. Маркетизация идеологии и политики нередко обостряет конфликты между рядовыми членами партии и ее руководством, левыми традиционалистами и модернизаторами, может вызвать внутрипартийные кризисы и расколы и даже выход из партии части членов. Важно отметить, что социал-демократический проект, «утопия-надежда» (термин бывшего лидера СДПГ Зигмара Габриеля) выполняют в левоцентристских партиях важную интегративную функцию. Соответственно, далеко идущий отказ от такого проекта, от остатков социалистической утопии угрожает подорвать не только социал-демократическую идентичность, но и сплоченность партии.

Этим, однако, дело не ограничивается. По мере сдвига европейской социал-демократии вправо слева от нее возникают и усиливаются радикальные левые или левопопулистские партии, в идеологическом дискурсе которых доминируют антикапитализм, евроскептицизм и жесткая критика неолиберальной глобализации. К их числу относятся греческая СИРИЗА, испанская «Подemos», германская Левая партия, «Непокоренная Франция» и др. Эти партии все больше становятся серьезными конкурентами социал-демократов. Интересно, что их нередко возглавляют выходцы из социал-демократических и социалистических партий, несогласные с их дрейфом к социал-либерализму (Лафонтен, Меланшон, Амон). А ЛПВ под руководством Корбина, по словам Елены Ананьевой, сама «приобретает черты альтернативного левого популистского движения»³⁶.

³⁶ *Ананьева 2018: 72.*

**Размытая
идентичность
и интеллектуальный
застой**

Начавшийся на рубеже XX—XXI вв. сдвиг социал-демократических партий к центру политического спектра и принятие ими ряда неолиберальных установок привел к размыванию идентичности этого политического течения. Вот как оценивал ситуацию в 2011 г. испанский социалист Максимо Диас-Кано: «Социал-демократия находится на ничейной земле и в критической ситуации... [Она] потеряла компас идеологического дискурса и заблудилась. Она находится на территории, которая не является естественной для левых демократов: проводит политику экономической настройки на основе диктата рынков... проводит фискальную политику, нуждающуюся в улучшении — как в части ее справедливости и сбалансированности, так и эффективности. И все это на фоне недоверия граждан к партиям. Социал-демократия потерялась, и граждане не находят у нее ответов»³⁷.

³⁷ *Цит. по: Орлов 2012: 14.*

Наконец, еще одна причина нынешних трудностей европейской социал-демократии лежит в сфере идей. На наш взгляд, сегодня можно говорить о том, что социал-демократия пребывает в духовном застое. Среди ее теоретиков нет крупных мыслителей (масштаба, скажем, Каутского или Эдуарда Бернштейна). Не просматриваются в ее рядах и харизматические лидеры, подобные Фелипе Гонсалесу или Блэру, которые могли бы подтолкнуть левоцентристские партии к идеологической «смене вех». В результате социал-демократы не способны предложить избирателям каких-либо оригинальных, креативных идей. Их нет даже у СДПГ, которой в свое время принадлежало идеологическое лидерство в Социалистическом интернационале. Руководитель Академии социальной демократии Фонда Фридриха Эберта, например, полагает, что многочисленные конференции, дискуссии и публикации, посвященные выработке ценностно-мировоззренческих установок германской социал-демократии, «являются выражением программно-содержательного вакуума», и говорит об «отсутствии четких программно-содержательных ориентиров СДПГ»³⁸. Наличием «ясной и реалистичной повестки дня, отвечающей на вызовы современности и привлекательной для рядовых граждан», не могут похвастаться и другие социал-демократические партии³⁹.

³⁸ Крель 2010: 78.

³⁹ Арбатова 2018.

* * *

Перспективы преодоления европейской социал-демократией ее нынешнего кризиса зависят прежде всего от того, удастся ли ей адаптироваться к реалиям современного мира и совместить с его императивами свои традиционные ценности и установки. Социал-демократии нужно будет найти разумный баланс между справедливостью и эффективностью, социальной защитой населения и требованиями глобального рынка, универсализмом и отстаиванием национальной идентичности, «утопией-надеждой» и прагматизмом. Вероятно, на этом пути ей придется признать частичную правоту не только либерализма, но и национал-консерватизма и интегрировать в свое мировоззрение некоторые консервативные концепты. Такое социально-консервативное течение уже сложилось в ЛППВ. Речь идет о «синем лейборизме», в самом названии которого (синий — цвет Консервативной партии Великобритании) отражено стремление включить в лейбористскую идеологию ряд установок британских консерваторов. «Синие лейбористы» с уважением относятся к британским традициям, выступают в защиту религии и семейных ценностей, позитивно относятся к патриотизму, стремятся сохранить британскую идентичность, критикуют глобализацию, мультикультурализм, бесконтрольную иммиграцию.

Что касается духовных истоков «синего лейборизма», то к ним относятся идеи раннего лейборизма (в том числе гильдейский социализм), коммунитаризм, христианский социализм. Значительное влияние на него оказали воззрения консервативных романтиков XIX в. Томаса Карлейля и Джона Рёскина, а также консервативно-романтического социалиста Уильяма Морриса. Иначе говоря, одним из источников

вдохновения для «синих лейбористов» послужила та версия британского социализма (отчасти питавшаяся консервативными соками), которая критиковала капиталистическую модернизацию не только за порожденные ею страдания индустриальных рабочих, но и за вытеснение фабричным производством творческого труда и индивидуального мастерства, за разрушение традиционных социокультурных устоев и «органических» социальных связей⁴⁰. Неудивительно, что «синие лейбористы» придают исключительное значение местным сообществам и ассоциациям гражданского общества, считают необходимым сохранение и развитие «органических», коммунитарных связей между людьми, взаимной помощи, солидарности.

⁴⁰ Эта интеллектуальная традиция была впоследствии продолжена гильдейским социализмом (см. Галкина 1988: 24—26).

Другими словами, в рамках «синего лейборизма» осуществлен оригинальный синтез социал-демократических и консервативных ценностей, и сам он многое почерпнул из консервативной интеллектуальной традиции. На наш взгляд, именно такое направление идеологического обновления западной социал-демократии является действительно перспективным. Органическое, творческое соединение социалистических, либеральных и национал-консервативных ценностно-мировоззренческих установок — вот та «королевская дорога», следуя по которой европейская социал-демократия сможет преодолеть тот кризис, в котором она оказалась сегодня.

Библиография

Ананьева Е.В. (2018) «Партия независимости Соединенного Королевства: взлет и падение. Лейбористы как альтернатива?» // Швейцер В.Я., ред. *Партии и движения политической альтернативы в современной Европе*. М.: ИЕ РАН: 67—73. URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/357.pdf> (проверено 15.08.2019).

Арбатова Н.К. (2018) «В странах ЕС должна появиться достойная оппозиция» // *НГ-Дипкурьер*, 26.02. URL: http://www.ng.ru/dipkurer/2018-02-26/9_7179_opposition.html (проверено 25.06.2019).

Брайович С.М. (1982) *Карл Каутский — эволюция его воззрений*. М.: Наука.

Вершинин А.А. (2014) «На полпути к социал-демократии: французские социалисты в начале XXI в.» // *Мировая экономика и международные отношения*, № 9: 45—54.

Галкина Л.А. (1988) *Гильдейский социализм: Критический анализ*. М.: Наука.

Крелль К. (2010) «Кризис германской социал-демократии: пять причин и пять способов его преодоления» // *Социал-демократия в современном мире*. М.: Ключ-С: 75—88.

Лафонтен О. (2009) «Свобода через социализм» // *Актуальная социал-демократия в XXI веке*. М.: Ключ-С: 51—60.

Маркс К. и Ф.Энгельс. (1955) «Манифест Коммунистической партии» // Маркс К. и Ф.Энгельс. *Сочинения*. Т. 4. М.: Госполитиздат: 419—459.

Орлов А.А. (2012) «Европейская социал-демократия: трудный путь к возрождению» // *Ежегодник ИМИ — 2012*. М.: МГИМО-Университет: 12—32.

Пархалина Т.Г. и др. (2018) «Политические партии перед новыми вызовами: Опыт Западной Европы и России» // *Актуальные проблемы Европы*, № 4: 235—266.

Поттхофф Х. и С.Миллер. (2003) *Краткая история СДПГ: 1848—2002*. М.: Памятники исторической мысли.

Предвыборный манифест Партии европейских социалистов. (2009) М.: Ключ-С.

Тимошенкова Е.П. (2017) «Особенности партийно-политического развития ФРГ и миграционный кризис 2015—2016 гг.» // Гуселетов Б.П., ред. *Трансформация партийно-политического ландшафта в странах Евросоюза в условиях кризиса*. Ч. I. М.: ИЕ РАН: 20—34. URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/337.pdf> (проверено 15.08.2019).

Федотова В.Г. (2004) «Вызовы левым взглядам и их трансформация» // *Исторические судьбы социализма*. М.: ИФ РАН: 234—258.

Шацкий Е. (1990) *Утопия и традиция*. М.: Прогресс.

Швейцер В.Я. (2013) «Социал-демократия на качелях политической жизни Западной Европы» // *РСМД*, 15.05. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sotsial-demokratiya-na-kachelyakh-politicheskoy-zhizni-zapad/> (проверено 10.07.2019).

Bailey D., J.-M. de Waele, F.Escalona, and M.Vieira, eds. (2014) *European Social Democracy During the Global Economic Crisis: Renovation or Resignation?* Manchester: Manchester University Press.

Crossman R.H.S. (1953) «Towards a Philosophy of Socialism» // Crossman R.H.S., ed. *New Fabian Essays*. London: Turnstile Press.

Cruddas J. (2011) «Political Context for Change» // *Fear and Hope*. URL: <http://www.fearandhope.org.uk/2011-report/context-for-change> (accessed on 08.07.2019).

Dahrendorf R. (1983) *Die Chancen der Krise: Über die Zukunft des Liberalismus*. Aufl. 2. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.

Giddens A. (2002) *Where Now for New Labour?* Cambridge: Polity Press.

Goes E. (2016) *The Labour Party under Ed Miliband: Trying but Failing to Renew Social Democracy*. Manchester: Manchester University Press.

Hillebrand E. (2008) «Zwischenruf: die europäische Linke und die Folge des Finanzkrise» // *Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte*, no. 11: 16—17. https://www.frankfurter-hefte.de/media/Archiv/2008/Heft_11/NGFH_Nov_08_Archiv_Hillebrand.pdf (accessed on 05.07.2019).

Lipset S.M. and S.Rokkan. (1967) «Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction» // Lipset S.M. and S.Rokkan, eds. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York: Free Press: 1—64.

Lucke A. von. (2009) «Mehr Mut zur Vision» // *Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte*, no. 3: 45—48. URL: <https://www.frankfurter-hefte.de/>

media/Archiv/2009/Heft_03/NGFH_Maerz_09_Lucke_Web.pdf (accessed on 16.07.2019).

Michels R. (1989) *Zur Soziologie des Parteiwesens in der moderner Demokratie*. Aufl. 4. Stuttgart: Kröner.

«Militar aujourd'hui (colloque)» (1989) // *La Nouvelle revue socialiste*, no. 7: 3—111.

Sarrazin Th. (2010) *Deutschland schafft sich ab: Wie wir unser Land aufs Spiel setzen*. München: DVA.

Thierse W. (2017) «Bundestagswahl 2017 — worum es wirklich geht» // *Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte*, no. 9: 5—9. URL: <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/bundestagswahl-2017-worum-es-wirklich-geht-2419/> (accessed on 15.07.2019).

Thomson S. (2000) *The Social Democratic Dilemma: Ideology, Governance, and Globalization*. Houndmills, Basingstoke, and London: Palgrave Macmillan.

N.V.Rabotyzhev

WESTERN EUROPEAN SOCIAL DEMOCRACY IN THE 21ST CENTURY: FROM MODERNIZATION TO CRISIS

Nikolai V. Rabotyzhev — Ph.D. in Political Science; Leading Researcher at Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Email: rabotiajev@mail.ru.

Abstract. The response of European social democracy to the crisis of the Keynesian socio-economic model that they created in the 1970s and 1980s was the market-oriented modernization of the social democratic parties. At the end of 20th — early 21st century, social democrats revised a number of principles of democratic socialism, borrowed some neoliberal concepts and almost completely abandoned the utopian elements in their ideology. The most active renewal processes were developed in the Labour Party of the United Kingdom under T.Blair, and in the Social Democratic Party of Germany under G.Schröder. However, the global financial and economic crisis of 2008 showed that social democrats lack a convincing alternative to neoliberalism. As a result, after 2008 social democracy faced new problems and challenges.

From the point of view of the author, at present, European social democracy is in a state of crisis. There are several reasons for that. First of all, social democracy, which is in general a pro-globalist force, underestimates the negative consequences of globalization for its voters. It advocates a liberal

migration policy and turns a blind eye towards the difficulties associated with the integration of immigrants into the European societies. Market-oriented modernization in the social democratic parties provokes resistance of the left-wing traditionalists, which can lead to internal party crises and splits or the success of the “hard left”, such as J. Corbyn. The shift of social democracy towards social liberalism strengthens the left-populist parties (Syriza, Podemos, Unbowed France, etc.), which are becoming serious competitors to social democrats. It also contributes to the erosion of social democratic identity. Last but not least — social democracy is in intellectual stagnation and is not able to offer voters any fresh, original ideas. According to the author, European social democracy can achieve a real renewal only if it chooses the path of a creative synthesis of socialist, liberal and conservative ideas.

Keywords: social democracy, “Third Way”, global financial and economic crisis, globalization, multiculturalism, left traditionalism

References

- Anan'eva E.V. (2018) “Partija nezavisimosti Soedinennogo Korolevstva: vzlet i padenie. Leiboristy kak al'ternativa?” [United Kingdom Independence Party: Rise and Fall. Labour as Alternative?] // Shveytzer V.Ya., ed. *Partii i dvizhenija politicheskoy al'ternativy v sovremennoj Evrope* [Parties and Movements of Political Alternative in Contemporary Europe]. Moscow: IE RAN: 67—73. URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/357.pdf> (accessed on 15.08.2019). (In Russ.)
- Arbatova N.K. (2018) “V stranakh ES dolzhna pojavit'sja dostojnaja opozitsija” [In the EU Countries the Deserving Opposition Should Appear] // *NG-Dipkur'er*, 26.02. URL: http://www.ng.ru/dipkurer/2018-02-26/9_7179_opposition.html (accessed on 25.06.2019). (In Russ.)
- Bailey D., J.-M. de Waele, F. Escalona, and M. Vieira, eds. (2014) *European Social Democracy During the Global Economic Crisis: Renovation or Resignation?* Manchester: Manchester University Press.
- Brajovich S.M. (1982) “Karl Kautskij — evolutsija ego vozzrenij” [Karl Kautsky — An Evolution of His Views]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Crossman R.H.S. (1953) “Towards a Philosophy of Socialism” // Crossman R.H.S., ed. *New Fabian Essays*. London: Turnstile Press.
- Cruddas J. (2011) “Political Context for Change” // *Fear and Hope*. URL: <http://www.fearandhope.org.uk/2011-report/context-for-change> (accessed on 08.07.2019).
- Dahrendorf R. (1983) *Die Chancen der Krise: Über die Zukunft des Liberalismus*. Aufl. 2. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.
- Fedotova V.G. (2004) “Vyzovy levym vzgljadam i ikh transformatsija” [Challenges to Left-wing Opinions and Their Transformation] // *Istoricheskiye sud'by sotsializma* [Historical Destiny of Socialism]. Moscow: IF RAN: 234—258. (In Russ.)
- Galkina L.A. (1988) *Gil'dejskij sotsializm: Kriticheskij analiz* [Guild Socialism: A Critical Analysis]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

- Giddens A. (2002) *Where Now for New Labour?* Cambridge: Polity Press.
- Goes E. (2016) *The Labour Party under Ed Miliband: Trying but Failing to Renew Social Democracy*. Manchester: Manchester University Press.
- Hillebrand E. (2008) “Zwischenruf: die europäische Linke und die Folge des Finanzkrise” // *Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte*, no. 11: 16–17. https://www.frankfurter-hefte.de/media/Archiv/2008/Heft_11/NGFH_Nov_08_Archiv_Hillebrand.pdf (accessed on 05.07.2019).
- Krell Ch. (2010) “Krizis germanskoj sotsial-demokratii: pjat’ prichin i pjat’ sposobov ego preodolenija” [The Crisis of German Social Democracy: Five Causes and Five Ways to Overcome It] // *Sotsial-demokratija v sovremennom mire* [Social Democracy in Contemporary World]. Moscow: Kljuch-C: 75–88. (In Russ.)
- Lafontaine O. (2009) “Svoboda cherez sotsializm” [Freedom through Socialism] // *Aktual’naja sotsial-demokratija v XXI veke* [Actual Social Democracy in the 21st Century]. Moscow: Kljuch-C: 51–60. (In Russ.)
- Lipset S.M. and S.Rokkan. (1967) “Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction” // Lipset S.M. and S.Rokkan, eds. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York: Free Press: 1–64.
- Lucke A. von. (2009) “Mehr Mut zur Vision” // *Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte*, no. 3: 45–48. URL: https://www.frankfurter-hefte.de/media/Archiv/2009/Heft_03/NGFH_Maerz_09_Lucke_Web.pdf (accessed on 16.07.2019).
- Marx K. and F.Engels. (1955) “Manifest Kommunisticheskoy Partii” [Das Manifest der Kommunistischen Partei] // Marx K. and F.Engels. *Sochinenija* [Works]. Vol. 4. Moscow: Gospolitizdat: 419–459. (In Russ.)
- Michels R. (1989) *Zur Soziologie des Parteiwesens in der moderner Demokratie*. Aufl. 4. Stuttgart: Kröner.
- “Militer aujourd’hui (colloque)” (1989) // *La Nouvelle revue socialiste*, no. 7: 3–111.
- Orlov A.A. (2012) “Evropejskaja sotsial-demokratija: trudnyj put’ k vozrozhdeniju” [European Social Democracy: The Hard Way to Rebirth] // *Ezhegodnik IMI — 2012* [Yearbook of IMI 2012]. Moscow: MGIMO-Universitet: 12–32. (In Russ.)
- Parkhalina T.G. et al. (2018) “Politicheskie partii pered novymi vyzovami: Opyt Zapadnoj Evropy i Rossii” [Political Parties Facing New Challenges: The Experience of Western Europe and Russia] // *Aktual’nye problemy Evropy* [Actual Problems of Europe], no. 4: 235–266. (In Russ.)
- Potthoff H. and S.Miller. (2003) *Kratkaja istorija SDPG: 1848–2002*. [Kleine Geschichte der SPD: 1848–2002]. Moscow: Pamjatniki istoricheskoy mysli. (In Russ.)
- Predvybornyj manifest Partii evropejskikh sotsialistov*. (2009) [Election Manifesto of the Party of European Socialists]. Moscow: Kljuch-C. (In Russ.)
- Sarrazin Th. (2010) *Deutschland schafft sich ab: Wie wir unser Land aufs Spiel setzen*. München: DVA.

Shveytzer V.Ya. (2013) “Sotsial-demokratija na kacheljakh politicheskoy zhizni Zapadnoj Evropy” [Social Democracy on the Swings of Political Life in Western Europe] // *RSMD* [Russian International Affairs Council], 15.05. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sotsial-demokratiya-na-kachelyakh-politicheskoy-zhizni-zapad/> (accessed on 10.07.2019). (In Russ.)

Szacki J. (1990) *Utopija i traditsija* [Utopia and Tradition]. Moscow: Progress. (In Russ.)

Thierse W. (2017) “Bundestagswahl 2017 — worum es wirklich geht” // *Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte*, no. 9: 5–9. URL: <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/bundestagswahl-2017-worum-es-wirklich-geht-2419/> (accessed on 15.07.2019).

Thomson S. (2000) *The Social Democratic Dilemma: Ideology, Governance, and Globalization*. Houndmills, Basingstoke, and London: Palgrave Macmillan.

Timoshenkova E.P. (2017) “Osobennosti partijno-politicheskogo razvitiya FRG i migratsionnyj krizis 2015—2016 gg.” [Features of Party and Political Development of Germany in Light of the 2015—2016 Migration Crisis] // Gusletov B.P., ed. *Transformatsija partijno-politicheskogo landshafta v stranakh Evrosojuza v uslovijakh krizisa* [Transformation of the Party and Political Landscape in European Union Countries in the Period of Crisis]. Part 1. Moscow: IE RAN: 20–34. URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/337.pdf> (accessed on 15.08.2019). (In Russ.)

Vershinin A.A. (2014) “Na polputi k sotsial-demokratii: frantsuzskie sotsialisty v nachale 21 v.” [Halfway to Social Democracy: French Socialists in the Early 21st Century] // *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations], no. 9: 45–54. (In Russ.)